

О СНОРЯЖЕНІИ

СНОВИДЕНИЯ

Как христианин должен
относиться к сновидениям

• БЛАГО •

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Н. Е. Пестов

О ХАРАКТЕРЕ СНОВИДЕНИЙ

Старцы ваши сновидениями
вразумляемы будут.

Деян. 2, 17

Душевная жизнь человека не прекращается и во сне. Да она и не может прекратиться, поскольку душа бессмертна. Только во сне отнята наша воля по отношению к телу, и вместо обычного сознания появляется так называемое подсознание.

Что жизнь души никогда не прекращается, доказываются снами. Следует заметить, что в течение сна нет момента, когда человек не видел бы внутренним взором каких-либо образов и не переживал бы тех или иных мысленных ощущений.

Кто хочет проверить это, пусть поставит себе целью — в момент прекращения сна захватить умом конец сна. При некотором волевом усилии это удастся.

Итак, и во сне не прекращается душевная жизнь, только она приобретает другие формы.

Сонная жизнь души своеобразна: так воспринятые нами слова во сне — это не слова, а мысли, которые приходят к нам откуда-то.

Чем можно объяснить нелепость снов и надо ли придавать снам значение?

Св. Симеон Новый Богослов пишет: «Чем душа занята и о чем говорит наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: проводит весь день в заботах о делах человеческих, об них же суетится она и в сновидениях; если же она все время поучается в вещах божественных и небесных, то и во время сна она входит в них же и умудряется видениями».

О том же так пишет и глубокий психолог о. Александр Ельчанинов:

«Во сне, когда гаснет наше нормальное сознание, исчезает контроль над собой; когда мы вполне искренни и ничего не стыдимся — тогда всплывают из глубин подсознательные первичные основы нашего существа, обнажаются самые глубокие пласты души, и мы больше, чем когда-либо, являемся самими собой. Типичные для наших снов образы, видения и душевные состояния — есть самые верные, ничем не скрытые проявления нашей настоящей личности.

Конечно, тут нужно различать и чисто психологические феномены (как молитвы и песнопения после длинных церковных служб), а также — просто влияние нашей физиологии, которой мы так подвластны, например, кошмарные видения при болезни печени. Но при достаточно объективной и умелой оценке характер и сущность наших сновидений могут много помочь в познании себя и на многое в себе открыть глаза».

Таким образом, сны в известной степени могут характеризовать чистоту нашей души. Мы можем заметить,

что наяву нам может претить нечистота и какой-либо грех. Но вот мы с удивлением замечаем, что во сне мы можем грешить такими грехами, которых не может быть наяву. Это показатель того, что очищение нашей души еще поверхностно, а в глубине ее еще таится грех.

Св. отцы говорят, что лишь при совершенном очищении сердца и сновидения будут всегда чистыми и светлыми.

Итак, характер снов отвечает духовному состоянию человека наяву.

Если человек не живет Богом и не имеет в себе Его Духа, то он наяву находится во власти страстей, страстей, беспокойства и суеты. Иначе говоря, он находится во власти или под влиянием лукавого духа, который непрерывно всевает в него мысли и чувствования.

То же продолжает делать злой дух с человеком и во сне. Здесь ему еще легче владеть душой, потому что воля человека ослаблена. Как бы насмехаясь над бедной, поработанной ему душой, злой дух заставляет ее переживать нелепые, иногда грязные положения, в соответствии с той нечистотой мыслей и чувствований, которые допускала душа наяву.

Вот почему св. отцы в качестве общего правила запрещают придавать снам какое-либо значение и тем более рассказывать их другим, считая их за откровения из потустороннего мира.

Но не то значение будут иметь сны для людей, живущих живой верой и в бодрствовании стремящихся всегда удержать в себе Духа Святого Божия.

Когда ап. Петр говорил свою первую общенародную проповедь о Христе в день сошествия Святого Духа, то он характеризовал духовное состояние уверовавших во Христа следующими словами из книги пророка Иоиля:

«Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут» (Деян. 2, 17; Иоил. 2, 28-32).

Поэтому Симеон Новый Богослов приравнивает сновидения духоносных людей к истинным видениям и Божественным откровениям.

Св. Никита Стифат (ученик преп. Симеона Нового Богослова) разделяет сны на: 1) простые сны, 2) «зрения» и 3) «откровения».

Простые сны бывают у людей обыкновенных, подверженных страстям; как говорилось уже выше, в этих снах много нечистого и обманчивого. Эти сны надо презирать.

Вот как говорит архиепископ Иоанн про сны невозрожденного «внешнего» человека:

«Через свои сны человек может убедиться, какая пустота и никчемность живет в его душе. Этой же суетностью (иногда и большей) заполняется явь людей... Люди не подозревают всей безблагодатности многих своих желаний, настроений, проектов и мыслительных комбинаций».

«Зрения» бывают людям, стремящимся к очищению своих душевных качеств. Этим людям Господь посылает сны для того, чтобы через зримое в сновидении они лучше постигали Божественную волю и стремились к духовному восхождению.

«Откровения» бывают людям совершенным, исполненным Св. Духа, которые крайним воздержанием достигли степени пророков Божиих.

При этом следует заметить, что у таких христиан сон не похож уже на наш обычный сон. Так преп. Варсонофий Великий и Иоанн пишут: «Кто хранит стадо свое подобно Иакову, т. е. внимателен к своим чувствам

и мыслям, от того отступает сон (Быт. 31, 40 – «сон мой убежал от глаз моих»).

Когда же он и уснет немного, сон его бывает как у инога бодрствование; ибо огонь сердечного горения не допускает его погрузиться в сон, и он воспеваает с Давидом: «Просвети очи мои, да не усну я сном смертным» (Пс. 12, 4). Кто достиг такой веры и вкусил уже сладость ее, тот понимает сказанное; такой человек не упоется чувственным сном, а только пользуется естественным».

Для нас же, находящихся в значительной мере еще под влиянием лукавого духа, имеет приложение вышеупомянутое правило св. отцов – не придавать значения обычным снам.

Однако поскольку, по милости Божией, мы часто видим и чувствуем Божие вразумление себе наяву, то и над некоторыми снами следует, может быть, задумываться и попробовать их уяснить себе: не обличает ли Господь меня в этом сне в каком-либо грехе, пристрастии или слабости; не хочет ли Он в чем-либо вразумить меня или предостеречь от чего-либо?

Конечно, все свои сны мы должны сохранять в тайне. Лишь духовному отцу или старцу, или опытному в духовной жизни лицу, можно рассказывать сны для того, чтобы получить разъяснение тех из них, за которыми мы почувствуем особое значение.

Так некогда запрашивали значение своих снов: у праведного Иосифа – Египетский фараон, а у пророка Даниила – царь Навуходоносор (Быт. 41, Дан. 4).

Как в отношении суждения о снах – являются ли они благодатными или от лукавого, так и в отношении вообще всех сверхъестественных явлений, у иноков Старого Афона есть правило: «Не принимай и не отвергай».

Это мудрое правило спасает человека от гордости и превозношения, если такие явления он будет приписывать благодати; а также спасет и от хулы на благодать, если действительно имело место проявление благодати.

Свт. Игнатий Брянчанинов

О НЕДОВЕРИИ СНОВИДЕНИЯМ

Демоны употребляют для возмущения и повреждения душ человеческих *сновидения*; также и сами неопытные иноки, обращая внимание на свои сны, вредят себе. По этой причине необходимо сделать здесь определение значения сновидений в человеке, которого естество еще не обновлено Святым Духом.

Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении. Это отдохновение так полно, что человек во время его теряет сознание своего существования, приходит в самозабвение. Во время сна всякая деятельность, сопряженная с трудом и производимая произвольно под управлением разума и воли, прекращается: пребывает та деятельность, которая необходима для существования и не может быть отделена от него. В теле кровь продолжает свое движение, желудок варит пищу, легкие отправляют дыхание, кожа пропускает испарину; в душе продолжают плодиться мысли, мечтания и чувствования, но не в зависимости от разума и произвола, а по действию бессознательному естества. Из таких мечтаний, сопровождаемых свойственным мышлением и ощущениями, составляется сновидение. Оно часто бывает странным, как не принадлежащее к системе

произвольных и намеренных мечтаний и размышлений человека, но являющееся самопроизвольно и самонравно по закону и требованию естества. Иногда сновидение носит на себе несвязный отпечаток произвольных размышлений и мечтаний, а иногда оно бывает последствием нравственного настроения. Таким образом сновидение, само по себе, не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказание своей будущности или будущности других или какое-нибудь другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины?

Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним. Такое доверие всегда сопряжено с самомнением, а самомнение делает наш умственный взгляд на нас самих ложным, отчего вся деятельность наша лишается правильности; это-то демонам и надо. Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть. Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатию, мы неспособны видеть иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрости постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и

мечтания из падшего естества или приносятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов. Как утешение наше во время бодрствования нашего состоит из умиления, рождающегося от сознания грехов своих, от воспоминания о смерти и о суде Божиим — только эти помыслы возникают в нас от живущей в нас благодати Божией, насажденной святым крещением, и приносятся нам Ангелами Божиими, сообразно нашему состоянию кающихся, так и во сне, весьма редко, при крайней нужде, представляют нам Ангелы Божии или кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный суд. От таких сновидений мы приходим к страху Божию, к умилению, к плачу о себе. Но такие сновидения даются весьма редко подвижнику или даже и явному и лютому грешнику по особенному неведомому смотрению Божию; даются весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати — нет! По той причине, что все случающееся с нами вне общего порядка приводит нас в сомнение и колеблет в нас смирение, столько необходимое для нашего спасения.

Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содействие спасению человека нарушением общего порядка делается наиболее излишним и ненужным. Просившему воскрешения мертвецу и послания его к братьям для увещания их к переходу с широкого пути на тесный сказано: *Имут Моисеа и Пророки: да послушают их*. Когда же просивший возразил: *ни!.. но аще кто из мертвых идет к ним, покаются*, — то получил в ответ: *аще Моисеа и Пророков не послушают, и аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры* (Лк. 16, 29-31).

Опыт показал, что многие, сподобившиеся во сне видения мытарств, Страшного суда и других загробных ужасов, были потрясены видением на краткое время, потом рассеялись, забыли о виденном и вели жизнь беспечную; напротив того, не имевшие никаких видений, но поучавшиеся тщательно в законе Божиим, постепенно пришли в страх Божий, достигли духовного преуспевания и в радости, рождаемой извещением спасения, перешли из земной юдоли скорбей в блаженную вечность.

Святой Иоанн Лествичник рассуждает об участии демонов в иноческих сновидениях нижеследующим образом: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмущать нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напасти. Верующий снам подобен гонящемуся за своей тенью и покушающемуся поймать её. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях пророками, предугадывая по пронырству своему будущее и его предвозвещая нам, чтобы мы по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие к дару предуведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые уничижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничьего будущего не знают по предуведению, в противном случае и чародеи могли бы предсказывать нам смерть. Преобразуются демоны в ангелов света, принимают на себя часто образ мучеников и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся

погружают в радость и возношение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения). Святые Ангелы показывают муку, суть смерть, от чего мы, проснувшись, исполняемся трепета и сетования. Если начнем покоряться бесам в сновидениях, то они начнут издеваться над нами и в бодрственном состоянии. Верующий сновидениям вполне неискусен, а неверующий никакому сну – истинно любомудр. Доверяй только тем снам, которые возвещают тебе муку и суд, если же по причине их зачнет тебя тревожить отчаяние, то и такие сны от бесов» (Святой Иоанн Лествичник. Прибавление к Слову 3-му).

Преподобный Кассиан Римлянин повествует о некотором иноке, уроженце Месопотамском, что он проводил самую уединенную и постническую жизнь, но погиб от обольщения бесовскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на свое развитие духовное, а устремил все внимание на телесный подвиг и дал ему, а следовательно и себе, цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда инок утвердился в доверенности к своим сновидениям и к себе, то диавол представил ему в великолепном сновидении иудеев, наслаждающихся небесным блаженством, а христиан томимыми в адских муках. При этом демон – разумеется, в образе ангела или какого ветхозаветного праведника – дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил (Слово о рассуждении. Добротолюбие, ч. VI).

Достаточно сказанного для объяснения возлюбленным братьям нашим, современным инокам, сколько безрассудно внимать, тем более доверять снам, и какой

страшный вред может родиться от доверия к ним. От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним, и потому самое внимание строго воспрещается.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее и коснящее в своем падении. Правитель человека обновленного – Святой Дух. «На них же осияла Божественного Духа благодать, – сказал преподобный Макарий Великий, – и во глубине ума их водворилася: сим Господь яко душа есть» (Слово 7, гл. 12). И в бодрствовании и во сне они пребывают в Господе, вне греха, вне земных и плотских помышлений и мечтаний. Помышления и мечтания их, находящиеся во время сна вне управления разумом и волею человеческими, действующие в прочих человеках бессознательно, по требованию естества, действуют в них под водительством Духа, и сновидения таких людей имеют духовное значение. Так праведный Иосиф во сне был научен таинству вочеловечения Бога-Слова; во сне повелено ему бежать в Египет и возвратиться из него (Мф., гл. 1 и 2). Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

Блаженный Августин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СНОВ

Что такое сновидение? Ответ на этот вопрос был у Аристотеля, но ответ материалистический. Этот философ думал, что сновидение есть игра одного воображения и притом бывает только во время легкого сна. В воде мутной не отражается ничего; в воде текущей отражаются предметы, но не совсем правильно, в виде большем или меньшем; только чистая и стоячая вода отражает предметы в их естественной величине и ясно, как в зеркале. То же бывает, — говорит Аристотель, — и во время сна. Когда фантазия возмущена, душа не представляет ничего, не видит снов. Это обыкновенно случается с детьми и теми, кои спят крепко. Но по мере того, как испарения, происходящие от пищи, перевариваемой в желудке, становятся тоньше и легче, душа начинает фантазировать. Это бывает обыкновенно во время легкого сна и при пробуждении. — Бл. Августин очень хорошо понимает, что с допущением этой теории можно встретить сильные возражения против догмата о

духовности и бессмертии души. Если разум, — говорят материалисты, — не принимает никакого участия в действиях души во время сна, если душа перестает мыслить в то время, когда перестает ощущать, то ясно, что идеи суть продукты ощущения, и что если не будет этих ощущений, то не будет и души: *somnus est simillima mortis imago* (т.е. сон есть точнейший образ смерти).

Имея в виду подобные суждения, бл. Августин доказывает, что сон не есть паралич органов чувств и способности воображения, а есть отдохновение первых и бодрствование последнего. Человек ничего не видит во сне из окружающих предметов, но в его душе еще остается свет, — это необходимое условие для того, чтобы видеть. Пробудившись от сна, мы вспоминаем цвета, запах, звук, вообще то, что получается посредством чувств; следовательно, мы не были совершенно лишены способности чувствовать, когда воображали подобные предметы. Мы различали тогда один предмет от другого, одушевленное от неодушевленного и, следовательно, не были лишены способности понимания.

«Часто ложные видения убеждают спящего в том, в чем не могут убедить бодрствующего и истинные. Где же бывает тогда разум, который во время бодрствования противостоит обольщению? Неужели и он засыпает вместе с телесными чувствами? Нет, он действует и тогда, потому что во сне мы часто противимся увлечениям и, помня свою решимость противиться обольщениям, не обнаруживаем никакого к ним сочувствия. Со мною самим, — говорит бл. Августин, — часто случалось, что я во время сна сознавал, что вижу грезы, а не действительные предметы, но только не было во мне ясного сознания о том, что я таким образом рассуждаю во время сна, а не в бодрственном состоянии».

Этого мало; душа может действовать во время сна еще свободнее и легче. «Хотя и в теле часто бывает причина сновидений, но не тело производит их, потому что тело не имеет такой силы, чтобы образовать что-либо духовное. Но когда загражден путь вниманию души, которым обыкновенно управляются движения чувственные, тогда она или в себе самой производит образы, подобные телесным, или созерцает образы духовные. В первом случае бывает фантазия, а во втором видения (*assensiones*)».

Предметом видения может быть или то, что совершается в мире высшем, небесном, или то, что имеет совершиться в мире нашем, земном. Каким образом бывают подобные видения, — этого бл. Августин не берется объяснить из законов естественных.

«Некоторые хотят, чтобы человеческая душа имела в себе самой способность предвидеть будущее. Но если так, то почему она не всегда может пророчествовать, когда хочет? Не потому ли, что не всегда получает пособие? Но если получает пособие, то от кого и каким образом? Не видит ли она в себе чего-либо такого, что не видимо для нее в бодрственном состоянии, подобно тому, как мы не всегда созерцаем заключающееся в памяти? Или, освобождаясь от препятствий, она своею силою открывает то, что должно быть предметом видения?.. Что из этого верно, сказать не могу утвердительно. Не сомневаюсь только в том, что телесные образы, которые созерцаются духом, не всегда бывают знамением *иных* вещей. Мы видим во время сна бесчисленные образы вещей, непостигаемых телесными чувствами. Но кто может объяснить, каким образом и какою силою это бывает? Кто осмелится сказать что-либо определенное об этих редких и необыкновенных явлениях? Я не

берусь объяснить это, потому что не могу понять даже того, что бывает с нами в бодрственном состоянии. Когда я пишу к тебе это письмо, то созерцаю тебя духовно и знаю при этом, что ты не при мне. Но как это происходит в душе, постигнуть не могу. Я только уверен, что необыкновенные видения действительно бывают, и потому расскажу тебе следующий случай. Брат наш Геннадий, известный почти всем и любимейший наш медик, нередко задавал себе вопрос: есть ли жизнь по смерти тела? Но так как он творил дела милосердия, которые были угодны Богу, то однажды явился ему во сне прекрасный юноша и сказал: следуй за мною. Когда он последовал за юношей, то достиг некоего града, с правой стороны которого доходили до его слуха звуки приятнейшего пения. На вопрос: «Что это такое?» — Геннадий получил ответ: это гимны блаженных святых. Что было на левой стороне града, — этого он не помнил хорошо».

Не находя возможным объяснить подобные явления из причин естественных, бл. Августин глубоко верил, что есть причины их сверхъестественные; он очень часто говорит о влиянии на нашу душу как добрых, так и злых духов, и даже старается из начал разума доказать возможность такого влияния.

Однажды Невридий обратился к нему с вопросом: «Каким образом высшие силы могут иметь влияние на наши сновидения? Какими действуют машинами, инструментами, медикаментами? Может быть, они наполняют нашу душу своими мыслями или показывают нам то, что делается в их теле или в их фантазии? Но если допустить первое, то отсюда будет следовать, что мы имеем внутри себя еще другие глаза телесные, которыми видим то, что делается в их теле. Если же духи не

прибегают к помощи тела, а показывают нам то, что в их фантазии, то почему же я своей фантазией не могу подобным образом подействовать на твою фантазию?» Бл. Августин отвечает Невридию так: «Всякое движение души оставляет некоторый отпечаток в теле. Хотя нам не всегда заметно, как отпечатлевается мысль в теле, но для существ эфирных, которых чувства несравненно острее наших, легко замечен подобный отпечаток. И если движение наших членов бывает (например, от действия музыкальных инструментов) изумительно, то почему не допустить, что духи своим эфирным телом могут произвести в нашем теле движения, как им угодно, а посредством этих движений произвести в нас и известные чувства, мысли?» (См. соч. проф. К.Скворцова: «Бл. Августин как психолог», Киев, 1870 г., стр. 98-103).

Свящ. Григорий Дьяченко

КАК ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН ОТНОСИТЬСЯ К СНОВИДЕНИЯМ?

Еще языческие мудрецы различно судили о снах. Один языческий мудрец (Протагор) говорил: «Каждый сон имеет свое значение, свой смысл, и для человеческой жизни полезно обращать на сны внимание». Другой же языческий мудрец (Ксенофан) объяснял, что все сны пусты и обманчивы и что заблуждается тот, кто обращает на них внимание и устрояет по ним свои дела. Истины нужно искать в середине; т. е. *во-первых, не на все сны надобно обращать внимание, но, во-вторых, не все сны надобно презирать, считать их пустыми.*

Во-первых — говорим — не на все сны надобно обращать внимание. Сам Бог увещевает людей чрез Моисея

«не гадать по снам» (Лев. 19, 26). «Безрассудные люди, — говорит Сирах, — обманывают самих себя пустыми и ложными надеждами; кто верит снам, тот подобен обнимающему тень или гоняющемуся за ветром; сновидения совершенно то же, что отображение лица в зеркале» (34, 1-3). Большая часть снов суть только естественное следствие возбужденного воображения человека. О чем человек днем думает, чем он сильно заинтересован, чего он страстно желает или не желает, это и снится ему. Св. Григорий рассказывает об одном человеке, который безрассудно верил снам и которому во сне обещалась долгая жизнь. Он собрал много денег, чтобы иметь чем благополучно прожить долгую жизнь свою, но вдруг заболел и вскоре умер — и таким образом не мог сделать никакого употребления из своего богатства, и в то же время не мог взять с собою в вечность никаких добрых дел. Следовательно, есть много снов пустых и обманчивых, которые ничего не значат и на которые не надо обращать внимания.

Но, во-вторых, есть и такие сны, которые имеют значение для нас и на которые надо обращать внимание. Укажем для примера на сон Иосифа, одного из двенадцати сыновей патриарха Иакова. Иосифу снилось, что он с отцом и братьями жнет в поле пшеницу: сноп Иосифа стоял прямо, а снопы отца и братьев окружили его и поклонились ему. Этот сон точно исполнился: по истечении некоторого времени Иосиф, проданный братьями в Египет, сделался правителем Египта, и приехавшие в Египет отец и братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно так же сбылся пророческий сон фараона, царя египетского. Если бы фараон не обратил внимания на этот сон и не сделал больших запасов хлеба в урожайные годы для годов неурожайных,

то он горько раскаивался бы: жители Египта, а также отец и братья Иосифовы, умерли бы голодною смертью.

И многие из людей, а может быть, и из находящихся среди нас, имеют причину раскаиваться в том, что не обратили внимания на некоторые сны свои. Вот для примера один рассказ. Один беспутный юноша, не слушавший увещаний своих лучших друзей, направлявших его на другую, лучшую дорогу, увидел однажды во сне своего отца, который строго повелевал ему оставить беспутную и безбожную жизнь и жить лучше; но, согласно изречению Иисуса Христа: «Если не слушают закона, то не послушают и того, кто бы воскрес из мертвых», — юноша не обратил никакого внимания на свой сон. Тогда он снова видит такой же сон: ему снова снится отец, который заявляет сыну, что если он не переменит своей жизни, то в такой-то день его застигнет смерть, и он предстанет на суд Божий. Юноша рассказал шуточно о сне своем подобным же ему товарищам и не только не думал об исправлении жизни, но даже как бы хотел посмеяться над угрозою, полученною во сне. Именно: на тот день, в который во сне отец угрожал сыну смертью, он назначил большую пирушку с товарищами. И что же? Среди винопития сына поражает внезапно апоплексический удар, и он чрез несколько минут умирает! Из приведенных здесь рассказов мы видим, что не все сны обманчивы и пусты: есть сны, которые действительно исполняются в жизни.

Несколько советов о том, как нужно относиться к сновидениям

1) Если сны побуждают нас к добру и удерживают от зла, то считайте эти сны перстом Божиим, указывающим вам на небо и отклоняющим вас от дороги к аду.

«Бог говорит однажды, и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (Иов. 33, 14-18).

«Когда увидишь во сне образ креста, учит преп. Варсануфий, знай, что этот сон истинен и от Бога; но постарайся от святых получить истолкование значения его и не верь своему помыслу» («Руковод. к дух. жизни» Варсануфия и Иоанна, стр. 368).

2) Если же вы не уверены или не имеете разумной причины думать, что сон происходит от Бога, в особенности если сон касается не важных, безразличных предметов, тогда нет надобности обращать внимание на сны и устроить по ним свои действия; будьте осторожны, дабы, обращая внимание на каждый сон, не сделаться суеверными и не подпасть опасности согрешить.

3) Если, наконец, сон соблазняет человека на грех, то он есть следствие нашего испорченного, расстроенного воображения, нашей фантазии, или же он происходит от того, от кого да сохранит нас Бог Своею благодатию, т. е. от диавола.

Свт. Феофан Затворник

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ СНАМ?

Вы спрашиваете, можно ли верить снам? Лучше не верить, потому что враг и наяву много пустяков навевает в голову, а во сне это ему еще удобнее. Если какие сны сбываются, то по сбытии благодарите Господа за милость. И за приятные и назидательные сны благодарите. От снов соблазнительных скорее очищайте по пробуждении душу свою и память. Самое хорошее к тому средство — молитва и приведение на память добрых событий, особенно из евангельской истории. Печатайте тогда посильнее эти события в голове и глаз умственных с них не спускайте. Держите на них все внимание. Дурные мысли тотчас начнут ослабевать и уйдут.

ОПАСНО И ГРЕШНО ВЕРИТЬ ВСЯКИМ СНАМ

В некоторой обители был инок, украшенный всеми добродетелями и за то уважаемый братиею. К несчастью, он всегда верил всякого рода сновидениям. Духискуситель весьма радуется, когда в человеке узнает слабую сторону, с которой легко может побеждать его: враг нашего спасения всею адскою силою вооружился на инока. Каждую ночь, как скоро инок после обыкновенных молитв вздремлет, демон начал показывать ему сновидения сначала безвредные, чтобы тем более обольстить несчастного. В какую сторону старец ни толковал их, каждый сон оправдывался событием наяву. Наконец, увидев, что заблудший старец всему верил, дух

тьмы в одну злополучную ночь представил пред ним жизнь будущую: изобразил, что апостолы, мученики, преподобные и все христиане сидят в ужасной тьме, терзаемые отчаянием; а в другой стороне вместе с пророками и древними патриархами ликует народ еврейский, и Бог Отец, указывая на них перстом, вещает: «Се чада Мои!» Старец от ужаса пробудился, и, ни о чем не рассуждая, ушел в Палестину, в жилища иудейские. Там принял обрезание и стал ревностным защитником убийц Христовых. Но Бог сколько долготерпелив, столько и правосуден: чрез три года Он послал на него болезнь столь лютую, что сгнили даже кости его; отступник в ужасных мучениях испустил дух свой («Прол.», февр. 26 дня).

Архиепископ Иоани (Шаховской)

ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ

Целую треть своей жизни человек пребывает во сне. В младенческий период свой он спит гораздо больше половины жизни. Сон – образ смерти, пробуждение – воскресения. «Уснул, успокоился», – говорят об умершем. И молятся люди о своей непостыдной, мирной кончине, уходе из земной жизни в полной умиротворенности, молитвенной богопреданности.

Наука пытается расшифровать природу сна, но она далека от объяснения этого феномена. Естественная наука может сказать лишь о некоторых происходящих во время сна физиологических изменениях или химических процессах в теле, психиатрия и психотерапия стараются проникнуть в психические законы сновидений... Но все тут остается шатким, неясным.

Опыт *духования* – религиозный опыт – различает три рода сновидений, вернее, три подоплеки сновидческих. Первый род сновидений, наиболее распространенный, – суетные, пустые, как бы никчемные сны, ничего не значащие ни нравственно, ни умозрительно. Они являются, по-видимому, отражением в мозгу человека его повседневных тревог и забот. Но бывают сны и определенно духовно окрашенные либо некоей беспокойной, нехорошей духовной силой, либо умиротворяющей душу. Есть устрашающие сны, лишаящие душу мира, отягощающие нас или нехорошо возбуждающие. И есть сны утешающие, нечто предвозвещающие – «с неба», от Бога, от светлых сил. Исторически засвидетельствованы пророческие сны. О них неоднократно говорит Библия; эти сны чудесно предупреждают человека, вдохновляют, просвещают, поучают и утешают. Реальность их совершенно бесспорна.

Пророк Иоиль сказал за несколько столетий до Рождества Христова о таких пророческих снах: «...и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (гл. II, стих 28).

Примеры пророческих светлых снов мы видим и в первой главе Евангелия от Матфея. Иосиф, «будучи праведен и не желая огласить обрученной ему Марии, хотел тайно отпустить Её». И вот, как только он «помыслил это» (небу открыты наши мысли), «Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их»... Далее Евангелие говорит, что чрез сон было возвещено Иосифу, как и мудрецам Востока, что они

должны были сделать. И они послушались этих ярких откровений во сне. В Книге Деяний Апостолов, в 10-й главе, мы читаем об очень важном для понимания христианства символическом полусне-полувидении апостола Петра. Когда посланные от римского сотника Корнилия шли к апостолу Петру в Иоппию и уже приблизились к тому городу, где был апостол, сам апостол Петр — «около шестого часа», взойдя на верх дома помолиться, — «видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные звери, пресмыкающиеся и птицы небесные»... Из этого (и из дальнейшего) апостол Петр ясно понял, что язычники-римляне, его искавшие, были посланы к нему от Бога, и он принял их без сомнения. После разговора с посланными от Корнилия апостол Петр сказал знаменательные слова: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». Здесь открылась чрезвычайно важная для спасения всего человечества воля Божия об апостолах, о том, что им надо идти с проповедью ко всем народам мира.

Человек может подняться над своей первичной физической и психической реальностью к реальности высшей, к опыту пророческих видений и сновидений.

В автобиографии своей, опубликованной в Париже, известный ученый, хирург, архиепископ Симферопольский Лука Войно-Ясенецкий рассказывает, как после призвания своего на служение Церкви и посвящения во епископы он был приведен в город Енисейск и служил там. Вот что он сообщает: «Все священники этого города, сверкавшего множеством церквей, и все священники

областного центра Красноярска уже были живоцерковниками и обновленцами. Богослужения я должен был поэтому совершать с тремя сопровождавшими меня священниками в своей квартире. И вот однажды, когда я вошел в зал, чтобы начать Литургию, я увидел стоявшего у входной двери пожилого монаха. Глядя на меня, он точно остолбенел и даже не поклонился мне. Вот почему это с ним случилось: православные люди города Красноярска, не хотевшие молиться со своими неверными священниками, избрали этого монаха и послали в город Минусинск, к югу от Красноярска, к жившему там православному епископу для рукоположения в иеромонахи. Но какая-то неведомая сила привлекла его не на юг, но на север, в Енисейск, где жил я. Он рассказал, почему так остолбенел, увидев меня: десять лет тому назад, когда я еще жил в Средней России, он видел сон: ему снилось, что неведомый ему архиерей рукоположил его в сан иеромонаха. Увидев меня, он узнал этого архиерея. Итак, уж десять лет тому назад, когда я был только хирургом Переславль-Залесской больницы, я уже числился архиереем у Бога».

Таких примеров личных откровений человеку во сне можно было бы привести много. Доктор медицины Поль Турнье, современный швейцарский мыслитель, автор книги «Медицина и Личность», говорит о природе этих феноменов в связи с учением психологов Цюрихской школы К. Юнга и Мэдера: «Фрейд и его ученики, следуя чисто механическому и причинному пониманию души, видят в снах лишь «пульсирование инстинкта» и выражение «подавленного желания». Для школы Мэдера, наоборот, сон является «выражением состояния живой личности того, кто видит сны». Усвоив это разделение, Карл Юнг в своих многочисленных работах показывает,

что именно этот подход ведет нас к истинному пониманию образа души». «Работы Цюрихской школы открыли науке новые горизонты, и взгляды фрейдистов нам кажутся односторонними,— говорит Турнье.— Любой сон можно рассматривать как по теории Фрейда, так и по теории Юнга». Доктор Турнье приводит такой пример: «Некоторые автомобили движутся мотором чрез посредство передних колес, другие — колес задних». «Влияние на личность наших животных инстинктов, по теории Фрейда, это есть движение «задних колес» нашей души; а духовные стремления, возникающие по теории Карла Юнга,— это движение человеческой души посредством «передних колес».

Душа человека является тем мотором, который приводит в движение все четыре колеса одновременно,— душой приводятся в движение и низшие инстинкты, замеченные Фрейдом, и высшие силы духа, на которые указывает Юнг. Действующий в природе нашей инстинкт может перейти в духовную интуицию и передать человеку высший нравственный зов, научить человека воле Божией, призванию бессмертия.

СЛУЧАИ ВЕЩИХ СНОВ

Под именем *вещих* снов в тесном смысле разумеются сны с предвещанием или предсказанием будущего, а в широком смысле — все необыкновенные правдивые или имеющие смысл и значение сны в отличие от обыкновенных, как пустой игры воображения. Так, нередко случается во сне находить разрешение научных, философских и др. задач, не разрешенных днем, вспоминать о событиях и лицах, давно забытых, получать сведения о вещах затерянных; еще поразительнее, хотя и реже, сны

с предсказанием, прямым или символическим (под покровом образов), будущего, каковы: грозящая спящему или знакомым ему лицам опасность, болезнь, смерть, а также (очень редко) особенно поразительные сны с живым изображением отдаленного будущего всей судьбы человека в подробностях.

Вещий сон о. Иоанна Кронштадтского

14 декабря 1895 года исполнилось 40-летие служения в священническом сане отца Иоанна. В этот день, после поздней литургии, высокочтимый юбиляр в своем слове, обращенном к предстоящим в Кронштадтском Андреевском соборе, между прочим, рассказал о своем вещем сне, виденном за 15 лет до назначения в Кронштадт, куда он был определен в 1855 году. «Велико было мое удивление, – сказал о. Иоанн, – когда я увидел сияющую внутренность обновленного к тому времени храма, давно уже мне знакомую по сновидению в отрочестве. Да, лет пятнадцать перед тем я видел дивный сон, в котором мне показана была эта самая внутренность храма, с этими вновь сделанными иконостасами. Этот сон запечатлелся в душе моей навсегда, оставив во мне радость неземную. Это было мне знамение от Бога, что я буду священствовать в этом храме, ибо тогда уже я видел себя входящим и исходящим из северных и южных врат, – так, как бы я был свой человек».

Сон Рылеевой

В январской книжке «Исторического Вестника» за 1895 г. в небольшой статье под заглавием: «Сон Рылеевой», рассказывается о том, как мать казненного

декабриста Кондратия Рылеева заранее предвидела печальную судьбу своего сына на основании одного вещего, знаменательного сна. Вот что она сама рассказывала (как сообщает о том г-жа Савина — автор статьи, напечатанной в «Историч. Вестн.») в кругу своих знакомых об этом знаменательном сне.

«Коне было всего три года, когда он, дорогой, любимый мой мальчик опасно, безнадежно занемог. Вероятно, то был круп или дифтерит, — доктора не объяснили мне; они, созванные на консилиум, только качали головой, сознавая всю невозможность выздоровления ребенка. «Он не проживет и до утра», — сказали они няне, плакавшей о Коничке. Мне, видя мое полное отчаяние, они не решались говорить об этом, но разве я не замечала сама всей опасности положения бедняжки. Он, задыхаясь, метался по постельке, сжимая тоненькие исхудавшие бледные ручки, уже не узнавая меня, своей матери.

«Радость, счастье, сокровище мое, неужели ты уйдешь от меня?! Уйдешь!.. Нет, это невозможно, немыслимо!.. Разве могу я пережить тебя! — шептала я, обливая слезами эти дорогие мне ручки. — Разве нет спасения!.. Есть оно, есть... Спасение — одно милосердие Божие... Спаситель, Царица Небесная возвратят мне моего мальчика, возвратят, и снова он, здоровенький, весело улыбнется мне!.. А если нет?.. О, Боже, поддержи меня несчастную!..»

И в страшном отчаянии своем упала я пред ликами Спасителя и Богородицы, освещенными мерцающим светом лампы, и жарко, горячо молилась о выздоровлении моего крошки. Молилась так, как никогда потом не могла пламенно сосредоточиться на молитве. Тогда я всю душу свою вложила в слова незаученного обращения к Господу.

Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстаз мой... Помню только, что всем существом моим овладела какая-то непонятная, светлая радость, какое-то тихое чувство покоя... Меня точно что-то убаюкивало, навеяв сон. Веки мои отяжелели. Я едва поднялась с колен и, сев у кровати больного, облокотясь на нее, тотчас же забылась легким сном. До сих пор не могу отдать себе отчета, был ли то сон или я действительно услышала... О, как ясно услышала я чей-то незнакомый, но такой сладкозвучный голос, говорящий мне:

— Опомнись, не моли Господа о выздоровлении... Он, Всеведущий, знает, зачем нужна теперь смерть ребенка... Из благости, из милосердия Своего хочет Он избавить его и тебя от будущих страданий... Что если я тебе покажу их?... Неужели и тогда будешь ты все-таки молить о выздоровлении!..

— Да... да... буду... буду... все... все... отдам... приму сама какие угодно страдания, лишь бы он, счастье моей жизни, остался жив!.. — говорила я, с мольбой обращаясь в ту сторону, откуда слышался голос, тщетно стараясь разглядеть, кому он может принадлежать.

— Ну, так следуй за мной...

И я, повинувшись чудному голосу, шла, сама не зная куда. Пред собой видела я только длинный ряд комнат. Первая из них по всей обстановке своей была та же самая, где теперь лежал мой умирающий ребенок.

Но он уже не умирал... Не слышно было более свиста или как бы предсмертного хрипа, выходившего из горлышка. Нет, он тихо, сладко спал, с легким румянцем на щеках, улыбаясь во сне... Крошка мой был совсем здоров! Я хотела подойти к кроватке его, но голос звал уж меня в другую комнату.

Там крепкий, сильный, резвый мальчик; он начинал

уже учиться, кругом на столе лежали книжки, тетради.

Далее, постепенно, видела я его юношей, затем взрослым... на службе...

Но вот уж предпоследняя комната. В ней сидело много совсем мне незнакомых лиц. Они оживленно совещались, спорили, шумели. Сын мой с видимым возбуждением говорит им о чем-то. Но тут снова слышу я голос, и в звуках как бы более грозные, резкие ноты:

— Смотри, одумайся, безумная!.. Когда ты увидишь то, что скрывается за этим занавесом, отделяющим последнюю комнату от других, будет уже поздно!.. Лучше покорись, не проси жизни ребенку, теперь еще такому ангелу, не знающему житейского зла...

Но я с криком: «Нет, нет, хочу, чтоб жил он!» — задыхаясь, спешила к занавесу. Тогда он медленно приподнялся — и я увидела виселицу!..

Я громко вскрикнула и очнулась. Первым движением моим было наклониться к ребенку и, как выразить удивление мое... он спокойно, сладко спал, ровное, тихое дыхание сменило болезненный свист в горле; щечки порозовели, и вскоре, просыпаясь, он протянул ко мне ручки, зовя маму. Я стояла как очарованная и ничего не могла понять и сообразить... Что это такое?.. Все тот же ли сон или радостная действительность?.. Но ведь все точно как было во сне там, в первой комнате!..

Все еще не доверяя глазам своим, я кликнула няню и вместе с нею убедилась в чуде исцеления приговоренного к смерти младенца. Няня передала мне решение докторов о невозможности его выздоровления. И надо было видеть изумление одного из этих эскулапов, приехавшего на другой день осведомиться о часе кончины мальчика, когда няня вместо трупа показала ему спокойно сидящего на постельке Коню, здорового и веселого.

– Да ведь это ж чудо, чудо!.. – твердил он.

Время шло, а сон мой исполнялся с буквальной точностью во всех, даже самых мелких подробностях... и юность его и, наконец, те тайные сборища.

Более не могу продолжать!.. Вы поймете... эта смерть... виселица... О, Боже!..»

Трудно с достоверностью решить вопрос о том, дожидая ли злополучная мать до окончательного исполнения своего знаменательного сна, как предполагает г-жа Савина, или же не дождалась она завершения трагической судьбы своего сына и скончалась за год – два ранее его казни, как явствует это из заметки г. Можаяева, напечатанной в февральской книжке «Историч. Вестника» по поводу «Сна Рылеевой». Но, при том или ином решении этого вопроса, достоверность и нравственное значение самого рассказа остаются в одинаковой силе.

РАССКАЗЫ О ЯВНОМ ОТКРОВЕНИИ ВОЛИ БОЖИЕЙ ЧРЕЗ СНОВИДЕНИЯ

В заключение приведем рассказы об явном откровении воли Божией чрез сновидения. Преподобный Пахомий видел сон, будто роса сошла с неба в его правую руку и сделалась как мед, и в то же время слышал голос, что это означает благодать, которая будет ниспослана на него (Чет.-Мин. 15 мая). И действительно, благодать Божия так обильно излилась на него, что он и чудеса творил, и назван церковью Великим.

Св. царь Константин Великий пред войною с Максентием видел наяву знамение креста на небе, слившийся из света, и с надписью «Сим побеждай!», а потом в следующую ночь увидел во сне Самого Спасителя,

Который явился ему с тем же знамением креста и сказал, что этим знамением он победит врага. И действительно, император Константин, соорудив знамя, украшенное крестом, окончательно поразил своего врага — Максентия.

Прп. Марфа, когда еще жила в миру, видела во сне св. Иоанна Предтечу, который предсказал ей, что от нее родится сын Симеон, что он будет великий и святой человек. И от нее действительно родился св. Симеон, известный под именем Дивногорца (Чет.-Мин. 24 мая).

У благочестивых жителей города Едесса, Симеона и Марии, была только одна дочь, а им хотелось иметь и сына; вот, они начали молиться о том Богу, и в одну ночь оба видят во сне, будто они в какой-то церкви, будто сюда же являются св. ап. Павел и св. великомученик Феодор Тирон; св. Феодор будто говорит апостолу: «Вот они просят себе сына, будь их ходатаем». Апостол после того будто бы положил им на рука младенца мужского пола, а св. великомученику Феодор сказал: «Пусть будет имя ему Феодор». И это сбылось: от них родился сын Феодор, который впоследствии был св. епископ Едесский (Чет.-Мин. 9 июля).

Одной благочестивой девице, жившей в городе Казани, явилась во сне Царица Небесная и сказала: «В таком-то месте, в земле, зарыта Моя икона, объяви об этом: пусть отроют ее и вынут». Она рассказала, и ей не поверили. Но тот же сон повторился еще, и когда та девица стала рыть в указанном месте землю, то, действительно, нашла там икону Божией Матери. Эта икона известна у нас под именем Казанской (Чет.-Мин. 8 июля).

Преподобный Даниил видел раз во сне высокий столп, на котором будто бы стоял и спасался св. Симеон Столпник с двумя Ангелами; Ангелы будто бы звали его к себе, и когда Даниил сказал, что он не может туда подняться, Ангелы сами будто бы подняли его на столп, а св. Симеон принял его и обнял. Так и случилось: впоследствии Даниил, подобно Симеону, тоже стал спасаться на столпе (Чет-Мин. 11 декабря).

Однажды, по сообщению самого бл. Августина, мать его, св. Моника, видела во сне, что она стоит на длинной и узкой черте и погружена в глубокую скорбь; вдруг ей явился Ангел и с участием спросил, о чем она плачет. «Я плачу о гибели души сына», – отвечала она. «Успокойся, – сказал ей Ангел, – где ты стоишь, тут и увидишь его» (т.е. он впоследствии будет разделять с тобою одни и те же христианские верования).

Св. *Евагрий* сам сообщает об одном бывшем ему сне во время сильного искушения, переживавшегося им (чувственная склонность к жене одного знатного гражданина в Константинополе). «Бог сжалился, – рассказывает он, – надо мною и послал мне сон. Я видел себя в глубоком и темном подземелье, и мне явился Ангел и сказал: «Здесь ты погибнешь, если сейчас же не убежишь. Поклянись мне Св. Евангелием завтра оставить город, и я помогу тебе бежать!» Я поклялся и проснулся, но по пробуждении в моих ушах стояли еще слова «здесь ты погибнешь». Св. Евагрий бежал в Иерусалим и победил свою склонность.

Основание Свято-Екатерининской обители

В 17 веке земли, где стоит Свято-Екатерининский монастырь и где ныне раскинулся подмосковный город Видное, зеленели девственными рощами и глухими лесами. Это были места любимой царской забавы – охоты.

24 ноября по старому стилю (7 декабря по-новому) 1658 года царь с многочисленной свитой охотился в своей заповедной Ермолинской роще. В этот день он не возвратился, как предполагалось, в Москву, а остался на ночлег в лесу. Ночью, когда тихий сон смежил усталые царские очи, вдруг показалось ему, что шатер его осветился необыкновенным сиянием, и пред ним предстала дева ангельской красоты, облеченная в белую как снег одежду. Боголюбивый царь узнал в ней святую великомученицу Екатерину. Она поведала, что в эту ночь Господь даровал ему дочь. Алексей Михайлович, пробудившись, объявил своей свите о чудном видении. Было решено немедленно сниматься с места. На пути в Москву у села Коломенского царя встретил гонец, посланный сообщить ему, что царица родила дочь и что обе они находятся в добром здравии. В радости и трепете от того, что видение оказалось истинно пророческим, Алексей Михайлович дал обет основать на месте чуда монастырь, а новорожденную назвать Екатериной.

Так сама святая выбрала место для своей русской обители.

Случай из жизни митрополита Московского Филарета

Г. Листовский в №10 «Русского Архива» 1885 г. в статье «Рассказы из недавней старины» приводит следующий

интересный факт из жизни московского митрополита Филарета.

«Против одного священника, — говорит г.Листовский, — было много обвинений. Журнал консистории о запрещении ему служить был подан Филарету на утверждение. Это было на Страстной неделе. Филарет проживал тогда в Чудове монастыре. Он взял уже перо, чтоб подписать журнал, но почувствовал какую-то тяжесть в руке, как будто бы перо ослушалось его. Он отложил подписание журнала до следующего дня. Ночью видит он сон: перед окнами толпа народа разного звания и возраста о чем-то громко толкует и обращается к нему. Митрополит подходит к окну и спрашивает, чего им надо. «Оставь нам священника, не отстраняй его!» — просит толпа. Впечатление этого сновидения было столь сильно, что митрополит не мог отделаться от него по пробуждении и велел позвать к себе осужденного священника. «Какие ты имеешь за собой добрые дела, открой мне», — обращается он к нему. «Никаких, владыко, — отвечал священник, — достоин наказания». Но владыка с настойчивостью убеждает его подумать. «Поминаешь ли ты усопших?» — спрашивает Филарет. — «Как же, владыко; да у меня такое правило: кто подаст раз записочку, я уж постоянно на проскомидии вынимаю по ней частицы, так что и прихожане ропщут, что у меня проскомидия дольше литургии, а я уж иначе не могу». Филарет ограничился переводом этого священника на другой приход, объяснив ему, кто был за него ходатаем. Это так тронуло священника, что он приложил старанье к исправлению своему и отличался потом примерною жизнью».

ВЕРЬ ТОЛЬКО ТЕМ СНОВИДЕНИЯМ, КОТОРЫЕ
ВОЗВЕЩАЮТ ТЕБЕ МУКУ И СУД.

Св. Иоанн Лествичник

МЫТАРСТВА

Из воспоминаний монахини Сергии (Клименко)

Зимой 1923/24 года я заболела воспалением легких.

В течение восьми дней температура держалась на 40,8 градусах. Приблизительно на девятый день болезни я видела знаменательный сон.

Еще в самом начале, в полузабытьи, когда я силилась творить Иисусову молитву, меня отвлекали видения – прекрасные картины природы, над которыми я словно плыла. Когда я вслушивалась в музыку или засматривалась на чудесные пейзажи, оставляя молитву, меня потрясала с ног до головы злая сила, и я скоро принималась за молитву. По временам приходила в себя и видела отчетливо всю окружающую меня обстановку.

Вдруг около моей кровати появился мой духовник, иеромонах Стефан. Он, взглянув на меня, сказал: «Пойдем». Памятуя всем сердцем учение Церкви относительно опасности доверия к видениям, я стала читать молитву «Да воскреснет Бог...» Прослушав ее с тихой улыбкой, он сказал: «Аминь» – и словно взял меня с собой куда-то.

Мы очутились как будто в недрах земли, в глубоком подземелье. Посреди протекал бурный поток с черной водой. Я подумала о том, что бы это означало. И в ответ на мою мысль отец Стефан без слов, мысленно мне ответил: «Это мытарство за осуждение. Осуждение никогда не прощается».*

В глубоком потоке я увидела мою знакомую, еще в то время живую. С ужасом взмолилась я о ней, и она как бы вышла сухая. Смысл виденного был такой: если бы она умерла в том состоянии, в каком была в то время, она бы погибла за грех осуждения, не покрытый покаянием. (Она, бывало, говорила, что детей в целях отвращения от греха надо приучать осуждать дурно поступающих людей.) Но так как час смертный ее не настал, то она сможет великими скорбями очиститься.

Мы пошли к истоку ручья вверх и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Чувствовалось, что за этими вратами – мрак и ужас... «Что же это?» – подумала я. «Там мытарства за смертные грехи», – подумал мне в ответ ведущий. Слов между нами не было. Мысль отвечала на мысль непосредственно.

От этих ужасных, закрытых наглухо врат мы повернули обратно и словно поднялись выше. (К сожалению, я не помню всей последовательности виденного, хотя все видения передаю совершенно точно.)

*Покаянием прощаются все грехи. – *Прим. ред.*

Мы оказались словно в магазине готового платья. На вешалках кругом висело много одежды. Было нестерпимо душно и пыльно. И тут я поняла, что эти платья — мои мысленные пожелания хорошей одежды в течение всей жизни. Здесь же я видела свою душу словно распятую, повешенную на вешалке, как костюм. Душа моя точно претворилась в платье и пребывала, задыхаясь в скуке и томлении. Другой образ страдающей души был здесь в виде манекена, посаженного в клетку и тщательно модно одетого. И эта душа задыхалась от пустоты и скуки тех суетных тщеславных желаний, которыми тешилась в жизни мысленно.

Мне стало понятно, что в случае моей смерти здесь бы мучилась, томясь, в пыли моя душа.

Но отец Стефан провел меня дальше. Я увидела как бы прилавок с чистым бельем. Две мои родственницы (в то время еще живые) без конца перекладывали с места на место чистое белье. Ничего особенно ужасного как будто эта картина не представляла, но на меня повеяло опять невероятной скукой, томлением духа. Я поняла, что такой бы была загробная участь моих родственниц, если бы они к этому времени умерли; они не совершили смертных грехов, были девицы, но не заботились о спасении, жили без смысла, и эта бесцельность перешла бы вместе с их душами в вечность.

Затем я увидела словно класс, наполненный солдатами, с укором глядевшими на меня. И тут я вспомнила о своей недоконченной работе: одно время мне пришлось заниматься с увечными воинами. Но потом я уехала, не отвечала на их письма и запросы, оставив их на произвол судьбы в трудное переходное время первых годов революции...

Затем меня окружила толпа нищих. Они протягивали

ко мне руки и говорили умом, без слов: «Дай, дай!» Я поняла, что этим бедным людям я могла бы помочь при жизни, но почему-то не сделала этого. Непередаваемое чувство глубокой виновности и полной невозможности оправдать себя наполнило мое сердце.

Мы пошли дальше. (Еще я видела свой грех, о котором никогда не думала, — неблагодарность по отношению к прислуге, именно то, что труд ее принимала как нечто должное. Но образ виденного забылся, остался в памяти только смысл.)

Должна сказать, что передавать виденные образы мне очень трудно: они не улавливаются словами, грубея, тускнея.

Вот путь нам загородили весы. На одну чашу сыпались непрерывным потоком мои добрые дела, а на другую падали с шумом и разлетались вокруг с сухим треском пустые орешки: это был символ моего тщеславия, самоценения. По-видимому, эти чувства вполне обесценили все положительное, так как чаша с пустыми орешками перевесила. Добрых дел без примеси греха не оказалось. Ужас и тоска охватили меня. Но вдруг откуда-то упал на чашу пирог или кусок торта, и правая сторона перевесила. (Мне показалось, что кто-то мне дал «взаймы» свое доброе дело.)

Вот остановились мы перед горою, горою пустых бутылок, и я с ужасом осознала, что это образ моей гордости, пустой, напыщенной, глупой. Ведущий подумал мне в ответ, что если бы я умерла, то на этом мытарстве мне пришлось бы как бы открывать каждую бутылку, что составило бы непосильный труд и бесплодный.

Но тут отец Стефан взмахнул словно каким-то гигантским штопором, изображавшим собою благодать, и

все бутылки разом открылись. Я, освобожденная, пошла дальше.

Надо прибавить, что я шла в иноческой одежде, хотя в то время только готовилась к постригу.

Старалась я ступать по следам духовника, и если же ступала мимо, то вылезали змеи и старались ужа-лить меня.

Духовник вначале был в обычном монашеском оде-янии, превратившемся потом в царственную пурпурную мантию.

Вот подошли мы к бушующей реке. В ней стояли какие-то злые человекообразные существа, бросавшие друг в друга с неистовой злобой толстые бревна. Увидев меня, они завопили с какой-то ненасытной злобой, пожирая меня глазами и стремясь наброситься на меня. Это было мытарство гнева, проявленного, несдержанного. Оглянувшись, я заметила, что за мной ползет слюна, величиной с человеческое тело, но без форм, с лицом женщины. Никакими словами не могу я передать ненависть, сверкавшую в ее неотступно смотревших на меня глазах. Это была моя страсть раздражительности, словно тождественная бесу раздражительности. Надо сказать, что я ощущала там свои страсти, которые развила и раскормила в жизни, как нечто единое с бесами, их возбуждающими.

Эта слюна все время хотела обвить и задушить меня, но духовник отклонял ее, мысленно говоря: «Еще она не умерла, может покаяться». Неотступно, с нечеловеческой злобой глядя на меня, она ползла за мной почти до конца мытарств.

Затем мы подошли к запруде, или плотине, в виде как бы вала со сложной системой трубочек, через которые просачивалась вода. Это был образ моего гнева

сдержанного, внутреннего, символ многообразных мысленных злобных построений, имевших место только в воображении. Если бы я умерла, то мне бы пришлось словно через все эти трубочки протискиваться, процеживаться с невероятными муками. Опять чувство страшной безответной виновности охватило меня. «Еще не умерла», – подумал отец Стефан и увел меня дальше. Долго еще вслед мне неслись вопли и бешеный плеск из реки – гнева.

После этого мы опять словно поднялись выше и попали в какое-то помещение. В углу, как бы отгороженном, стояли какие-то чудовища, без-образные, потерявшие образ человеческий, покрытые и насквозь пропитанные каким-то отвратительным срамом. Я поняла, что это мытарства за непристойность, похабные анекдоты, неприличные слова. Я с облегчением подумала, что в этом-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища ужасными голосами заговорили: «Наша, наша!» И мне с поразительной отчетливостью вспомнилось, как я, будучи десятилетней гимназисткой, писала в классе с подругой какие-то глупости на бумажках. И опять та же безответность, связанная с глубочайшим сознанием виновности, охватила меня. Но ведущий с теми же мысленно произнесенными словами: «Еще не умерла» – отвел меня. Поблизости, словно при выходе из этого отгороженного закоулка, я увидела свою душу в виде фигурки, заключенной в стеклянную баночку. Это было мытарство за гадание. Я почувствовала тут, как унижает, умаляет бессмертную душу гадание, превращая ее словно в безжизненный лабораторный препарат.

Далее в противоположном углу, как бы сквозь окна, ведущие в соседнее нижнее помещение, я увидела бесчисленное множество кондитерских изделий, расставленных

рядами: это были съеденные мною сласти. Хотя бесов я здесь не видела, но от этих заботливо собранных в течение моей жизни проявлений чревоугодия веяло бесовским ехидством. Я должна была бы снова все это поглощать, уже без наслаждения, но как бы под пыткой.

Потом мы прошли мимо бассейна, наполненного беспрестанно вращающейся раскаленной, словно расплавленной, золотистой жидкостью. Это было мытарство замысленно-извращенное сладострастие. Лютой мукой веяло от этой расплавленной двигающейся жидкости.

Затем я увидела душу моего знакомого (еще не умершего) в виде чудесного по цвету и нелепого по форме цветка. Он состоял из дивных розовых лепестков, сложенных в длинную трубочку: ни стебля, ни корня не было. Духовник подошел, обрезал лепестки и, глубоко всадив их в землю, сказал: «Теперь принесет плод».

Неподалеку стояла душа моего двоюродного брата, вся насквозь заложённая военной амуницией, словно души-то, собственно, и не было. Брат этот очень любил военное дело ради него самого, не признавал никаких других занятий для себя.

После этого мы перешли в другое, меньшее помещение, в котором стояли уроды: гиганты с крошечными головками, карлики с огромными головами. Тут же стояла я в виде огромной мертвой монахини, словно деревянной. Все это были символы людей, проводивших самочинно-подвижническую жизнь, без послушания и руководства: у одних преобладал телесный подвиг, у других была слишком развита рассудочность. В отношении себя я поняла, что будет время, когда я оставлю послушание духовнику и умру духовно. Так и случилось, когда в 1929 году я, нарушив советы отца Стефана, ушла в раскол, не желая признавать митрополита Сергия,

будущего Патриарха. Отломившись от древа жизни, я действительно внутренне высохла, омертвела и только по заступничеству Пресвятой Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно Церкви. Ноги мои словно пристыли к полу, но после горячей молитвы к Божией Матери снова получила возможность идти дальше за отцом Стефаном. Это было не мытарство, а как бы образ будущих моих уклонений от правильного пути ко спасению.

Потом потянулся ряд огромных пустых храмов, по которым мы утомительно долго шли. Я еле передвигала ноги и мысленно спросила отца Стефана о том, когда же кончится этот путь. Он сейчас же подумал мне в ответ: «Ведь это твои мечты, зачем столько мечтала?» Храмы, через которые мы проходили, были очень высокие и красивые, но чуждые Богу, храмы без Бога.

По временам стали встречаться аналои, перед которыми я, становясь на колени, исповедовалась, в то время как ведущий, ожидая, стоял рядом. Первый священник, которому я исповедовалась, был отец Петр (наш соборный протоиерей, у которого я действительно и исповедовалась первый раз после этого сновидения). Далее я не видела во время исповеди духовника, но исповедовалась часто у аналоев. Все это мне говорило о моей предстоящей жизни, о спасении через частое Таинство исповеди.

Вдруг мы услышали как бы барабанный бой и, оглянувшись, увидели в стене справа икону святителя Феодосия Черниговского, который мне словно напоминал о себе. Святитель стоял в кивоте во весь рост, живой. Я вспомнила, что в последнее время перестала ему молиться.

Затем, когда мы пошли дальше, навстречу нам вышел святитель Николай Мирликийский. Он был весь

розовый и золотой, как лепесток розы, пронизанный золотистыми лучами солнца. Моя душа содрогнулась от соприкосновения со святыней, и я в ужасе бросилась ниц. Заныли мучительно все язвы душевные, словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Лежа ниц, я между тем видела, как святитель Николай поцеловал духовника в щеку... Мы пошли дальше.

Вскоре я почувствовала, что Матерь Божия может спуститься к нам. Но моя немощная грехолюбивая душа заметалась отчаянно от невозможности непосредственного общения со святыней.

Мы пошли и почувствовали, что близко выход. Почти у самого выхода я увидела мытарство одного моего знакомого, а по выходе — одну монахиню, которую словно подбрасывали на доске вверх. Но здесь чужие грехи не привлекали совершенно моего внимания.

Потом мы вошли в храм. Притвор был в тени, а главная часть храма — залита светом.

Высоко в воздухе около иконостаса стояла стройная фигура девушки необычайной красоты и благородства, облеченная в пурпурную мантию. Овальным кольцом в воздухе окружали ее святые. Эта дивная девушка показалась мне необычайно знакомой, родной, но я тщетно силилась вспомнить, кто она: «Кто ты, милая, родная, бесконечно близкая?» И вдруг что-то внутри мне сказало, что это моя душа, данная мне Богом, душа в том девственном состоянии, в каком она была из купели крещения: образ Божий в ней не был еще искажен. Окружали ее святые заступники, не помню, кто именно, — один, помнится, был словно в древних святительских одеждах. Из окна храма лился чудный свет, озаряя все кротким сиянием. Я стояла и смотрела, замирая.

Но тут из сумеречной тени притвора ко мне подошло ужасное существо на свиных ногах, развратная баба, безобразная, низкая, с огромным ртом, с черными зубами поперек живота. О, ужас! Это чудовище была моя душа в настоящем ее состоянии, душа, искажившая образ Божий, без-образная.

В смертной безысходной тоске затрепетала я. Чудовище как бы хотело прильнуть ко мне со злорадством, но ведущий отстранил меня со словами: «Еще не умерла», — и я в ужасе устремилась за ним к выходу. В тени, вокруг колонны, сидели и другие подобные уроды — чужие души, но не до чужих грехов мне было.

Уходя, я оглянулась и опять с тоской увидела в воздухе, на высоте иконостаса, ту родную, близкую и давно забытую, утерянную...

Мы вышли и пошли по дороге. И тут как бы стала изображаться моя предстоящая земная жизнь: я увидела себя среди старинных, занесенных снегом монастырских построек. Меня окружили монахини, словно говоря: «Да, да, хорошо, что пришла». Подвели меня к игумену, тоже приветствовавшему мое прибытие. Но я почему-то страшно не хотела оставаться там, сама себе удивляясь во сне, так как в этот период жизни (перед болезнью) уже стремилась к монашеству.

Потом как-то мы вышли оттуда и очутились на пустынной дороге. Около нее сбоку сидел величественный старец с большой книгой в руках. Мы с духовником стали перед ним на колени, и старец, вырвав лист из книги, подал его отцу Стефану. Тот взял его и — исчез. Я поняла — умер. Исчез и старец. Я осталась одна. В недоумении, со страхом я пошла вперед, дальше по пустынной песчаной дороге. Она привела меня к озеру. Был закат. Откуда-то доносился тихий церковный звон.

На берегу озера стеной стоял бор. Я остановилась в полном недоумении: дороги не было. И вдруг, скользя над землей, в воздухе передо мной явилась фигура духовника. В руках у него было кадило, и он строго смотрел на меня. Двигаясь в сторону леса лицом ко мне, он кадил и словно звал меня. Я последовала за ним, не спуская с него глаз, и вошла в чащу леса. Он скользнул сквозь стволы деревьев, как призрак, и все время кадил, неотступно глядя на меня. Мы остановились на полянке. Я опустилась на колени и стала молиться. Он, бесшумно скользя вокруг полянки и не спуская с меня строгих глаз, покадил ее всю и исчез — я проснулась.

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату, слышала дыхание спящей родственницы. Сознательно не желая продолжения сновидения, я читала молитву, но снова против воли словно уходила из себя.

Когда я теперь окончательно проснулась, то ясно поняла, что умираю, и тут всю свою жизнь ощутила как бесцельную, не подготовившую меня к вечности.

«Даром, даром прожита жизнь», — твердила я и с горячей молитвой приникла к Царице Небесной, дабы Она испросила мне время на покаяние. «Обещаю жить для Сына Твоего», — вылилось из глубины моего сердца. И в тот же момент словно благодатной росой обдало меня. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни.

Сквозь ставни, в щели, я увидела звезды, зовущие меня к новой, обновленной жизни...

Наутро врач констатировал мое выздоровление.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Е. Пестов

О ХАРАКТЕРЕ СНОВИДЕНИЙ 3

Свт. Игнатий Брянчанинов

О НЕДОВЕРИИ СНОВИДЕНИЯМ 8

Блаж. Августин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СНОВ 14

Свящ. Григорий Дьяченко

КАК ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН
ОТНОСИТЬСЯ К СНОВИДЕНИЯМ? 18

Свт. Феофан Затворник

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ СНАМ? 22

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ 23

СЛУЧАИ ВЕЩЕЙ СНОВ 27

Монахиня Сергия (Клименко)

МЫТАРСТВА 37

По заказу магазина
«Православное слово»

Адрес: 109017, Москва, ул. Пятницкая,
51/14, строение 2. **Тел/факс:** 951-51-84.

О сновидениях.

М., «Центр Благо», 2000. – 48 с.

ISBN 5-7902-0094-X

© «Центр Благо»

ЛР 064895 от 24.12. 96.

Формат 84x108 /32. Подписано в печать 11.09.2000.

Печать офсетная. Объем 1,5 п.л. Тираж 15 000 экз. Зак. 27231

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АО «Молодая гвардия»

Адрес АО: 103030, Москва, ул. Сушевская, 21.

Адрес издательства: 123022, Москва, ул 1905 года, д. 14, стр. 1.

Тел.: 246-69-39.

20

ПРАЗДНИЧНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БЛАГО